

МАРИ ДАГАЗ

**ФАБРИКА
ЗАБВЕНИЯ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КИБЕРПАНК

18+

Мари Дагаз

Фабрика забвения

«Автор»

2026

Дагаз М.

Фабрика забвения / М. Дагаз — «Автор», 2026

Зачем помнить свою боль, если её можно выгодно продать? Зачем возвращать любовь, если её можно скачать по акции? Двадцать второй век. Человеческая душа окончательно обесценилась, и теперь самая твёрдая валюта – это память. И в самом центре этого чистилища служит Лео-Архивариус – оператор чужого подсознания и, казалось бы, идеальный винтик системы. Однако у безупречного алгоритма его жизни есть один фатальный баг: одержимость прошлым... Вас ждут заговоры, хакинг и возвращение из пепла величайших гениев прошлого: Ньютон, Леонардо да Винчи, Эйнштейн... Что произойдёт, если искусственный интеллект пойдёт плечом к плечу с генной инженерией? Наш мир ожидает расцвет или крах очередной цивилизации?

© Дагаз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Архивариус	5
Часть 2. Привкус медной проволоки	11
Часть 3. Техника безопасности при работе с призраками	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мари Дагаз

Фабрика забвения

Часть 1. Архивариус

Эта крохотная мастерская, затерянная на верхнем этаже ветхого здания, давно перестала быть просто комнатой. Она превратилась в поле битвы – или, возможно, в брачное ложе для двух эпох, которые категорически отказались читать инструкцию по совместному проживанию. Классические мольберты, суровые и молчаливые, словно монахи-аскеты, были оплетены гирляндами оптоволоконных кабелей. Те мерцали переливчатым светом, неся в своих жилах не сухие данные, а, если верить рекламным буклетам, – «тихие грёзы искусственного интеллекта». У окна и вовсе царило соседство, граничащее с кощунством: стеклянные банки с кистями – верными солдатами старого искусства – стояли вровень с блоками внешних накопителей. А рядом с деревянной палитрой, хранящей благородные пятна засохшей охры и умбры, светились мониторы, где неугомонно бежала бесконечная вязь кода – современная клинопись, повествующая о *новых богах*.

Однако истинный пульс этого безумия бился в дальнем углу. Там, напоминая то ли инопланетные монолиты, то ли просто неприлично дорогие тумбочки, возвышались серверные стойки. Они заполняли пространство плотным, низкочастотным гулом, мерно выдыхая волны наэлектризованного воздуха, от которого волосы становились дыбом в прямом и переносном смысле. В их тёмных чревах в хаотичном ритме вспыхивали россыпи индикаторов – алые, изумрудные, янтарные, – словно мириады глаз дремлющего кибернетического зверя. Казалось, его цифровые сновидения просачивались сквозь железо в реальность, смешиваясь с запахом скипидара и человеческого тщеславия. В результате этой противоестественной алхимии рождалось нечто третье: искусство, балансирующее между теплотой живой руки и ледяной логикой алгоритма, который на робкий запрос о «возвышенном и вечном» сухо отвечал: *«Ошибка 404. Душа не найдена. Проверьте подключение к сети или попробуйте перезагрузиться»*.

И в этом зыбком эпицентре слияния эпох, где аналоговая ностальгия соединялась в танце с цифровым футуризмом, застыла таинственная фигура. Лео, темноволосый мужчина, успешно разменявший пятый десяток и все свои иллюзии, словно врос в пол перед гигантской, неземной конструкцией. Его облик – простая тёмная футболка и потёртый кардиган, впитавший больше тоски, чем масляных красок – выдавал не вдохновение художника, а скорее мрачную сосредоточенность хирурга перед рутинной операцией. Лицо было измождено, а глаза, воспалённые от хронической бессонницы и бесконечных погружений в чужие сознания, не выражали ровным счётом ничего – в них не было ни восторга первооткрывателя, ни даже усталого удовлетворения ремесленника, а лишь обычная профессиональная пустота. Ведь изо дня в день он превращался не в создателя и не в разрушителя, а в угрюмого таможенника на границе реальностей, взимающего пошлину с пришлых жизней, но так и не нашедшего дома ни в одной из этих стран.

«Ещё один», — холодной змейкой скользнула мысль, совпав с коротким щелчком био-порта[1] на запястье. И тут же инструмент отозвался тусклым синим свечением, как крохотный маяк, затерянный в океане человеческих драм.

Перед мужчиной предстал очередной... клиент. Нет, доброволец. А если называть вещи своими именами, то «святая жертва прогресса» – заблудшая душа, робко ступившая на порог этой безмолвной биржи, чтобы заключить сделку, достойную кисти Босха. Суть контракта была проста и чудовищна: обменять бесценный, уникальный алмаз памяти на жалкую горсть монет сиюминутной улады. В сухих протоколах корпорации это элегантно именовалось «монетиза-

цией ментальных активов». Однако личный, невысказанный словарь оператора предлагал куда более точный и жуткий термин – *духовный каннибализм*: процесс, при котором люди, наделённые священным даром помнить, с пугающей покорностью шли на добровольную ампутацию прошлого.

И живым воплощением этой трагедии стал нынешний «пациент», уже сжавшийся в анатомическом кресле-изоляторе, до боли напоминавшем ложемент[2] дантиста – то безрадостное место, где физическую боль обычно обменивают на здоровье; вот только курс обмена был иным. Петров Михаил Игоревич. Имя скользнуло в воздухе бумажным шелестом архивной папки, да и сам старик казался воплощением ветхого документа: седовласый, с кожей, похожей на порыжевший пергамент, испещрённый не буквами, а безжалостной картографией прожитых лет. Его руки, узловатые от артрита с выступающими синими венами, безвольно покоились на подлокотниках. Венцом этого увядания служила змеящаяся вокруг головы фантазмагорическая корона – сеть сенсоров, готовая похитить последний вздох умирающего воспоминания, особо неудачливого короля.

— Вы уверены, что... после этого я ничего не почувствую? — голос Михаила дрожал, подобно старому дереву, скрипящему на ночном ветру, — ни боли, ни... пустоты?

Лео, не отрывая взгляда от монитора, где бегущие строки кода сплетали свою загадочную летопись, выдал заученную мантру, что прозвучала с той же запрограммированной теплотой, с какой автоответчик сообщает, что «Ваш звонок очень важен для нас».

— Нейроны, хранящие данное воспоминание, будут деактивированы, и мозг навсегда перестанет обращаться к адресу несуществующей ячейки. Это как после удаления зуба: сначала язык по привычке ищет пустоту, однако довольно быстро кора больших полушарий перестраивает внутренние карты, и само осознание утраты исчезает. И мысленно добавил: «*А пустота накроет сразу, хотя это уже не моя проблема, а ваша... Вернее, уже не ваша: вам будет всё равно*».

Поддавшись наваждению, старик рефлекторно скользнул языком по нёбу, будто пытаясь нащупать обещанную пустоту ещё до того, как она возникла. Пальцы его невольно сжались, а дыхание на мгновение прервалось: наступила тишина – густая, как корабельная смола, и давящая, словно просроченный кредит. Лишь утробное ворчание перетруженных серверов да сиротливый свист системы охлаждения, подобный астматическому вздоху самого здания, пробивались сквозь её липкую пелену. Наконец, оператор с видимым усилием оторвался от экрана и поднял взгляд. В его глазах «пациент» не нашёл ни осуждения, ни даже тени дежурного сочувствия – лишь собственное отражение: маленькое, растерянное и уже наполовину стёртое.

Медленным, почти церемониальным шагом Лео отошёл от кресла, оставив клиента в коконе тревожного ожидания, и направился к «Порталу» – так это чудо инженерной мысли окрестили маркетологи, застолбив дорогой патент на высокопарную ерунду. По факту же, устройство представляло собой гибрид душевой кабинки из хрущёвки и аппарата для колонизации души, скрещённый в едином порыве безумия и жёсткой экономии бюджета. Чёрный каркас из потускневшего металла обрамлял не зеркало и не стекло, а зону искажённой реальности, где воздух казался вязким и насыщенным иным потенциалом. Углы рамы сходились не под прямыми линиями, а сплетались в странные, чуть изогнутые сочленения, напоминающие суставы, от которых вглубь «тела» уходили пучки оптических сухожилий. А по всему периметру струились нити светодиодов – пульсирующие вены, несущие вместо крови стуски чужих воспоминаний, оцифрованных до состояния холодного сигнала.

Не колеблясь, специалист шагнул за порог рамы, и его силуэт мгновенно растаял, поглощённый электрически заряженной утробой виртуального предбанника. В этой клубящейся аморфной серости, лишённой очертаний – ни верха, ни низа – царило лишь смутное предчувствие отменённой гравитации. Отработанным, вялым жестом он приложил ладонь к груди – вспыхнула аквамариновая линия, и серая пустота послушно сгустилась, облекая его в высо-

котехнологичный костюм обратной связи. Почти невесомый, он ощущался как вторая кожа, обволакивающая каждую мышцу, готовая передать малейший импульс цифрового мира напрямую в нервную систему. Тончайшие проводники-нервы сами поползли по телу, обвивая торс и конечности, ложась по меридианам энергетической системы, будто создатели брони читали древние китайские трактаты в оригинале. Следом раздался лёгкий шипящий звук: прохладные датчики прильнули к вискам, к точке между бровей и к основанию черепа – мост в лабиринт сознания Михаила Игоревича был возведён. Оставалось самое простое: войти и забрать то, что принесли на продажу. Словно забрать посылку из пункта выдачи, только вместо картонной коробки – душа, аккуратно упакованная в файл.

Лео в очередной раз выдохнул с видом человека, вынужденного делать то, за что ему платят (как назло, ровно столько, чтобы дожить до следующего клиента, не умерев с голоду), и плавно опустился в парящее кресло, послушно принявшее форму тела. Кажущееся на первый взгляд аскетичным, на деле оно являло собой вершину эргономики – тот редкий случай, когда твою позвоночную тоску поддерживают с таким выверенным математическим сладострастием, что хочется оставить ему чаевые. Доля секунды – и мир ощущений начал растворяться в серой дымке: сначала исчезли отдалённые звуки улицы, следом померкло тактильное восприятие, а затем сомкнулись и веки, отсекая последнюю связь с реальностью. Пальцы инстинктивно сжали рукоять рабочего стилуса[3], и его лёгкая, назойливая вибрация осталась единственной физической правдой – крохотным якорем для «я», которое вот-вот должно было утонуть в стороннем прошлом. *«Своего рода вибратор для души, если угодно, — мрачно пронеслось в сознании, — последнее скромное утешение перед очередным спуском в ад по найму».*

И тогда пришёл звук. Сначала тонкий, противный писк, напоминающий комара в ухе, однако он быстро раздувался до размеров паровозного гудка, неумолимо и властно заполняя собой всё внутреннее пространство, уводя из мира плоти в царство призраков.

— Коннект, — прозвучало, словно пин-код, открывающий врата иного бытия.

Голосовая команда сработала как тяжёлая печать на векселе. В тот же миг реальность дрогнула, перевернулась, и мастерская с её едва уловимым ароматом скипидара и сытым дыханием серверов растворилась без следа. Вместо неё перед внутренним взором Лео разверзлась стандартная рабочая среда – *бурлящий, хаотичный суп чужого сознания*. Это был дикий, электронный вихрь, где обрывки жизни Михаила сталкивались и рассыпались, как осколки разбитого зеркала в калейдоскопе. Беззвучный смех маленькой девочки (вероятно, дочери, обречённой на скорое забвение); тоскливый скрип ржавых качелей (жалкое подобие утраченного рая, проданного с молотка вместе с шестью сотками и постаревшей яблоней); ослепительные, тёплые солнечные зайчики на обоях (щедрый дар вселенной, не подлежащий возврату). И вдруг – искажённое гримасой ярости лицо, представшее в облике заурядной семейной ссоры, раздутой временем до масштабов античной трагедии. *«М-да... Сырьё первого сорта, — поставил внутренний голос галочку в невидимом отчёте, — душа вечно требует хоть какого-то эпичного сюжета, пусть даже самопального. Типовой набор воспоминаний, приобретённый в магазине под вывеской “Жизнь-опт”. Срокогодности истёк, товар подлежит утилизации. Приступаю».*

Правая рука, сжимавшая стилус, ожила, и пальцы заскользили по воздуху с гипнотической плавностью дирижёра, призывающего к порядку невидимый оркестр. Там, где кончик инструмента вычерчивал в пустоте сложные траектории, пространство немедленно откликалось, расцветая пульсирующими неоновыми шрамами. Они рождались из ничего, сплетаясь в причудливые узоры, напоминающие высокое абстрактное искусство. Если бы не тот факт, что это была всего лишь *инвентаризация душевных издержек*. И вот из этого вихря медленно проступил лик – только это был не тот измождённый старик с пергаментной кожей, оставшийся в кресле. Нет. Из небытия возник юноша лет восемнадцати – с густой тёмной шевелюрой (которую время потом благополучно экспроприрует), высоким лбом и пронзительным взглядом, полным дерзкой уверенности: завтра будет лучше, чем вчера (наивный глупец). Лео на мгно-

вание замер, всматриваясь в мерцающую проекцию. *«Поиск нужной точки фиксации, — сухо отпартовал мозг, — ага... Вот же она».*

Система отозвалась с угодливой скоростью выдрессированного пса, и в глубине парящего портрета начали разгораться сгустки более плотного света – эмоциональные якоря, намертво впечатанные в подкорку клиента, как жвачка в асфальт жарким летом 2077-го. Опытный взгляд нейропилота с ходу классифицировал эту потрёпанную карту души, сотворённую по принципу: «Где больше и как часто». Вот плотное скопление, светящееся мягкой ностальгической дымкой – «период счастливого неведения», когда уровень счастья измерялся досмотренным под пиво сериалом. Далее – одинокий, ослепительный взрыв: «классическая травма» – момент, когда жизнь без предисловий заявила: «А теперь держись, сука, мы падаем». А следом тянулась хаотичная россыпь мелких, тускло мерцающих огоньков: «годы хронического стресса, ипотеки и несварения».

Вот она – истинная топография человека, вычерченная не по мотивам вдохновенных од, а по чистым биохимическим всплескам: где-то дофамин (преступно редко), где-то кортизол (стабильно, много) и повсюду, как неизменный спутник, – горьковатый привкус разочарования. Алгоритмы ловили эти вспышки с беспощадной точностью, как закоренелые «эмоциональные инвестиции», которым никогда не суждено окупиться. *«Прекрасно, — зафиксировалась резюмирующая мысль, — идеальный портрет современника: жалкие островки света в бесконечном океане серых пикселей повседневности».*

Собрав остатки профессионального цинизма (поскольку остатки воли давно дезертировали в неизвестном направлении, прихватив с собой пару носков и остатки энтузиазма), оператор мысленным усилием «зацепил» самый яркий из маяков – тот, что горел первозданным бело-золотым огнём. Вихрь послушно сжался, отсекая лишнее, выдав на-гора заказанный товар – файл под кодовым названием: *«Свадьба 1.0. Без последующих обновлений и права на техподдержку».* Из туманной глубины, словно сотканный из голографической дымки, материализовался Михаил: ранимый и бесконечно потерянный. Его волосы были смиренно приглажены влажной ладонью, а побелевшие от напряжения пальцы сжимали охапку полевых цветов, собранных в великой спешке. Он стоял перед зеркалом в тесной комнате общежития, отчаянно пытаясь совладать с непокорным узлом галстука. А за спиной, в распахнутое настежь окно, врвался гул большого города – слепой и равнодушный, как прибой иного мира, не имеющего к нему ни малейшего отношения. И вдруг реальность задрожала, сменив декорации...

Теперь юнец застыл на раскалённом асфальте, у ступеней Дворца бракосочетаний №3, вдыхая дрожащее марево полуденного зноя. Слепящее солнце заливало улицу ослепительной белизной, размывая очертания стрелок на его наручных часах. И в этот миг, когда время, казалось, обрело вес, массивные дубовые двери с протяжным, заунывным скрипом распахнулись, являя его взору Анну. На ней не было пышных кринолинов – лишь скромное платье из грубого белого полотна, сшитое, судя по всему, в коротких промежутках между сменами. В её руках алели скромные полевые цветы, а на лице сияла улыбка – такая чистая и счастливая, что она разом сметала всё: палящее солнце, томительное ожидание и весь остальной, унылый мир.

Погружение достигло критической точки. Лео больше не был сторонним наблюдателем, смотрящим кино через стекло; он жил внутри этого пылающего воспоминания. И сквозь нарастающий электрический гул в ушах прорвался звук – шёпот невесты, родившийся подобно перезвону серебряного колокольчика:

— Идём, Миша... нас ждут.

Эти простые, бытовые слова обрушились с такой сокрушительной силой, что пробили все ментальные барьеры оператора, и по его каменному лицу, застывшему в сенсорной маске, медленно скатилась слеза. За ней – вторая. Картина казалась противоестественной, как снег посреди жаркого лета: слёзы текли сплошным потоком, совершенно не искажая черт. Это был не сентиментальный порыв, а голая физиологическая реакция – такая же неизбежная, как

холодная испарина или мышечный спазм при лихорадке. В обычных академических отчётах эту аномалию называли «*эмпатической утечкой*». На практике же это означало, что сознание специалиста, подобно пересохшей губке, жадно впитывало чужой эмоциональный фон, пока собственная нервная система не начинала захлёбываться и сбоить. В эти мгновения он переставал быть собой и становился лишь живым сосудом, по оголённым нервам которого струился чистейший дистиллят чужой души: сторонний трепет, пьянящая надежда и леденящий ужас перед бездной грядущего. «*Нет... — голос рассудка, обычно звучавший как сухая запись автоответчика, вдруг сорвался на писк, — не это... нельзя. Это же... настоящее!*»

В груди всё сжалось так, будто его самого засунули в банкомат для выдачи наличных. Пальцы неистово вцепились в стилус. Казалось, ещё мгновение – и тонкий металл инструмента, а может, и собственные кости фаланг, с хрустом треснут под тяжестью остатков совести. Но протокол есть протокол.

— Иницирую... экстракцию[3], — выдавил он из себя.

Реальность вокруг молодого Михаила дрогнула, как студень на тарелке, и центральный фрагмент памяти – тот «самый лучший день» – начал медленно, с видимым усилием отклеиваться от общей проекции сознания. Сама память отчаянно сопротивлялась этому вмешательству: сгусток энергии съёживался, уплотнялся, пытаясь сохранить форму, пока не сжался в крошечную, нестерпимо яркую точку. Она пульсировала в воздухе, и каждый её всполох выглядел как последняя, предсмертная вспышка перегорающей вольфрамовой нити. Наконец, сопротивление было сломлено. Точка кристаллизовалась, превратившись в готовую, безупречную энграмму[5], упакованную в цифровой кристалл. Светящийся шар поплыл по воздуху и бесшумно нырнул в чёрную пасть машинерии, словно душа, засосанная пылесосом. «*Вот так: сначала ты был центром чьей-то вселенной, а через секунду – просто сжатый файл в цифровом мешке на колёсиках*».

Спустя мгновение образы юнца в сознании начали стремительно меркнуть: ослепительное летнее солнце сменилось сепией, затем – выцветшим чёрно-белым негативом, пока картинка окончательно не рассыпалась в хаотичный цифровой снег. На главном мониторе вспыхнул и тут же погас лаконичный зелёный вердикт:

«ТРАНЗАКЦИЯ ЗАВЕРШЕНА».

Всё. Товар принят, счёт оплачен, часть души успешно списана. В мастерской вновь воцарилась прозаическая атмосфера: тусклый круг света от настольной лампы, пыльные банки с кистями и сытое бормотание серверов, принявших на хранение ещё одну *украденную жизнь*.

С мучительным усилием, как после дешёвой водки и дорогих ошибок, Лео разлепил веки. Туман перед глазами медленно рассеивался, уступая место реальности: на пыльном полу, среди причудливых теней, отбрасываемых серверными стойками, белел стандартный лист контракта, небрежно придавленный папкой-регистратором.

КЛИЕНТ: Петров Михаил Игоревич.

ПРЕДМЕТ ТРАНЗАКЦИИ: Полное извлечение и передача энграммы от [17.07.2131] – «День бракосочетания с Анной Петровой».

СТОИМОСТЬ: 8.500.000 кредитов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Процедура необратима. Восстановление данных невозможно.

Каждая строгая буква и безжалостная цифра этого документа прожигала сетчатку как спирт, пролитый, на свежую царапину: восемь с половиной миллионов. Формально – просто цифры на банковском счету. А по факту: окончательная смета на утилизацию личности, одобренная корпоративной санэпидстанцией по переработке душ – особый премиальный ценник, наклеенный на удивительный мир, рождённый в один-единственный день и носивший имя «*Счастье*». Такова была текущая рыночная стоимость Михаила Игоревича. Он продал своё прошлое, чтобы купить немного будущего – вероятно, спасительную операцию или безмятежную старость в райском уголке. И, к сожалению, в этой чудовищной сделке наш герой был тем

славным парнем с бейджиком «Специалист», чья рука опустила рубильник, приводя приговор в исполнение.

Его взгляд, тяжёлый, как гиря от советских напольных весов, скользнул к креслу. Там, с закрытыми глазами, лежал Михаил, и на его губах играла слабая, почти блаженная улыбка – старик в последний момент гулял на той самой свадьбе, своей собственной.

Каждый оператор знал, что будет дальше: с исчезновением этого «корневого кадра» в труху рассыплется вся кинолента. Михаил не просто забудет свадьбу – из его души исчезнет сама Анна, как удалённый контакт из телефона после неудачного свидания, только без возможности восстановления из «облака». Навсегда растворится её улыбка, умолкнет хрустальный перезвон смеха и канет в небытие вкус первого поцелуя, который когда-то перевернул его мир. Человек в кресле проснётся богатым, здоровым... *и абсолютно пустым.*

Клиент неспешно открыл глаза. Первые несколько секунд в его взгляде стояла чистейшая, первозданная пустота. Сознание, вернувшись в тело, тщетно искало привычные эмоциональные ориентиры, напоминавшие удалённые ярлыки с рабочего стола. Затем взор прояснился, и старик начал осматривать обстановку мастерской: пыльные углы, мигающие диоды, сутулую фигуру специалиста в раме «Портала». К нему вернулось понимание: да, он здесь по собственной воле – сделка совершена. Но... зачем? Попытка нащупать причину или воскресить образ того, ради чего всё затевалось, наткнулась на странную брешь в разуме – зуб был удалён, дырка на месте.

— Всё закончено, господин Петров, — хрипло произнёс Лео, — деньги уже переведены. Поздравляю с приобретением...э-э-э... финансовой стабильности.

Старик молча, с видом человека, только что пережившего «лёгкую» ампутацию души, скованными движениями поднялся с кресла, бросил короткий кивок и зашагал прочь, не оглядываясь и не задавая лишних вопросов. В этой суетливой поспешности сквозило нечто жуткое: казалось, это попытка не просто покинуть смрадное помещение, а убежать от разрастающейся внутри пустоты, отныне обрекающей его коротать остаток дней в одиночестве.

Едва дверь отсекала шаги в коридоре, предельное напряжение последних минут спало, оборвавшись резко, как перетянутая струна на расстроенной гитаре. Сведённые судорогой пальцы невольно разжались, и стилус выпал из биопорта, ударившись о бетон с глухим, безнадежным щелчком. Звук попрыгал по стенам, будто пытаясь найти выход, но нашёл лишь пыльные углы и поставил жирную свинцовую точку в этом эпизоде. *«И вот я здесь, — скользнула последняя мысль этого бесконечного дня, — в своём уютном высокотехнологичном склепе. Лео-Архивариус – самый богатый коллекционер нищеты духа во Вселенной. Владелец бесценного собрания призраков, которые когда-то делали людей людьми».*

Он так и не шелохнулся, оставаясь неподвижным изваянием в кресле, даже когда за окном глухая ночь, устав от собственной бессмысленности, начала сдаваться серому, «беззубому» рассвету. Первые лучи, пробившиеся сквозь тучи, не принесли долгожданного тепла. Они лишь подсветили тысячи пылинок, лениво кружащихся в воздухе и очерчивающих границы этого унылого царства – места, где самые сокровенные воспоминания давно превратились в твёрдую валюту, а человеческие чувства низведены до бесконечной последовательности нулей и единиц.

Часть 2. Привкус медной проволоки

Сознание к Лео возвращалось после процедур так же неохотно, как ампутированная конечность к телу. Границы между днями и ночами окончательно стёрлись, и жизнь сжалась до примитивного, почти вегетативного цикла: безликие дроны-курьеры оставляли у двери картонные коробки с синтетической лапшой, а сон – короткий, не приносящий облегчения – накатывал волнами прямо в кресле оператора. Но даже в эти краткие мгновения забвения его мозг, словно перегревшийся комбайн, продолжал перемалывать обрывки чужих воспоминаний, сплетая их с собственными страхами, порождая чудовищных химер. Недавний сон стал тому жутким подтверждением: он превратился в вывернутый наизнанку мир, где, казалось, сам Сальвадор Дали и Франсиско Гойя, сговорившись, сняли рекламу антидепрессантов для особо утончённых мазохистов.

Ему снился банкетный зал, лишённый начала и конца. Стены здесь пульсировали, словно жабры гигантского механического левиафана, пропуская сквозь себя искажённый вальс, звучащий задом наперёд. Пол отсутствовал вовсе – ноги по щиколотку тонули в чёрной, лоснящейся смоле. Она влажно и жадно чавкала с таким плотоядным удовольствием, будто переваривала саму субстанцию забытых грёз. Вдоль этой трясины стояли «гости»: жуткие манекены, грубо сшитые из локутов человеческой кожи и спутанных проводов. Вместо голов у них показывались пустые шарообразные капсулы, где короткими замыканиями вспыхивали обрывки тостов: «...на счастье...», «...горько...», «...до дна...». От этого зрелища он попытался закричать, но звук умер в горле: рот оказался плотно набит пачками хрустящих купюр, отдающих типографской пылью и металлическим привкусом алчности. А в самом центре этого сюрреалистического ада, в неестественно-ломаном пируэте, кружилась Невеста. Её фигура казалась фатальной ошибкой рендеринга: подвенечное платье не струилось шёлком – оно мерцало роем битых пикселей и статических помех. И когда сущность с тошным хрустом шейных позвонков повернулась, бедолага увидел, что лица-то и нет. Вместо черт зияла антрацитовая воронка, а сквозь неё, словно выжженное на черепе клеймо, проступали неоновые нули бесконечного банковского чека.

Внезапно сон дал трещину: стены зала, оплывая грязным серым воском, потекли, и из этой кипящей массы к нему потянулись сотни морщинистых, покрытых трупными пятнами рук. Они впились в одежду, как слепые пиявки, утягивая в бездну, и над всем этим кошмаром нависла сгорбленная фигура Невесты. Её голос зазвучал отовсюду – из стен, из пола, из собственной головы, вынося окончательный приговор: *«Транзакция одобрена. Счастье аннулировано. Возврату не подлежит»*. В отчаянии сновидец вскинул руки, чтобы отбиться... и тут же оцепенел. Пальцев не было. Из обрубков запястий росли монолитные, намертво впаянные в кость орудия пыток – нечто среднее между цифровым стилусом и ржавым хирургическим скальпелем. Глядя на сталь, ледяной вихрь пронзил сознание, наполняя душу воем отчаяния: отныне предстояло вечно, день за днём испарывать чужие жизни, словно хрупкие раковины, выковыривая из них самые сочные воспоминания, лишь для того, чтобы бросать их на корм этой ненасытной, чавкающей черноте...

На этот раз Архивариус вынырнул из кошмара не плавно, а с таким резким рывком, будто был вырван из реальности насильно, как зуб. Только вместо свежего воздуха его встретила промозглая, враждебная сырость мастерской. Сломанный климат-контроль окончательно взбесился, превратив комнату в идеальную декорацию для нервного срыва: влажность под девяносто процентов, температура на грани пневмонии и освещение, как в подвале с одним садящимся фонариком. К этому тошнотворному букету примешивалась стойкая химическая горечь: на столе чернели чашки с недопитым кофе и каким-то энергетическим пойлом, напоминающим теперь ядовитый осадок на дне пробирки. Эта смесь запахов создавала абсолют-

ную атмосферу обречённости, напоминая, что за пределами царства Морфея ждала лишь иная версия дурного сна – такая же серая, растянутая во времени и бесконечно равнодушная к его метаниям.

И всё же, на исходе четвёртых суток этого марафона, в душе зашевелилось давно забытое чувство. Не просветление, нет. Скорее, смутный, почти животный позыв к побегу – полузабытая тоска по временам, *когда мир можно было не разбирать на цифровые компоненты, а собирать из красок*. С мучительным скрипом, достойным ржавых качелей в заброшенном дворе, герой отлепился от кресла и с грацией зомби поплелся в дальний угол комнаты, где, как надгробие былой человечности, стоял, покрытый пылью и позором, мольберт.

Непослушные пальцы нащупали кнопку старого оптического проектора, лампа внутри обиженно замигала и спустя мгновение бросила на стену расплывчатый жёлтый круг, похожий на пятно от горящей сигареты. Затем в ладонь лёг тюбик. Привычным движением (уже почти оскорбительным в своей доисторической простоте) он выдавил на палитру толстую, бархатистую змейку ультрамарина и замер, разглядывая её с видом археолога, откопавшего каменный топор рядом с термоядерным реактором. Цвет выглядел убого... и жалко. После голографического сияния энграмм, идеального объёмного звука и невероятных тактильных текстур чужих воспоминаний, эта «древняя магия» художников, веками пленявшая умы, показалась примитивной пародией для нищих духом. «Ну, давай же, гений, — ехидно прошептал внутренний голос, — твори! Вытворяй! Преврати химию в искусство или хотя бы в нечто, отдалённо напоминающее смысл».

Пытаясь заглушить этот скребущий шёпот, Лео потянулся за любимой колонковой кистью – когда-то продолжением его руки, а теперь просто деревянной палкой с волосьями, похожей на облезший беличий хвост. Первый же мазок лёг на холст неровно, криво и с таким видом, будто просил пощады. Была предпринята ещё одна попытка. Затем ещё – но каждое новое движение превращалось в мёртвые, бессмысленные каракули. «Я пытаюсь нарисовать воду, стоя по горло в реке, — блеснула идеальная формула абсурда, — и при этом я сам – река: грязная, мутная и совершенно бесполезная».

Ощущение собственного бессилия ударило, как разряд тока, и напряжение, копившееся все эти дни, взорвалось слепой яростью. Кисть с силой полетела в сторону: она описала в воздухе прощальный пируэт (весьма посредственный, надо сказать) и шлёпнулась на бетонный пол, оставив синюшный след – точь-в-точь как синяк после неудачной внутривенной инъекции. Вот только и этого было мало! Творец сорвал холст с мольберта, переломил подрамник о колено, будто ломал хребет этому самому «вдохновению», скомкал всё в тугую бесформенный ком, и изувеченный холст полетел без пересадки в дальний угол комнаты, присоединяясь к кисти. Теперь они валялись там вместе: бывший инструмент и бывший результат – два немых свидетеля агонии на свалке личной истории, в компании пыли и давно потерянной пуговицы. В наступившей тишине, пахнущей скипидаром и распадом амбиций, воспалённое сознание сформулировало простую и беспощадную истину: талант к созиданию сменился механическим проклятием – извлекать, копировать и архивировать. Неохудожник, чьё имя когда-то гремело как синоним нового цифрового Ренессанса, добровольно низвёл себя до роли *археолога пришедших душ*.

Эта горькая рефлексия висела в воздухе, как токсичный смог над промзоной, когда внезапно раздался требовательный звонок – сигнал приоритетного вызова по защищённой линии. На голографическом дисплее замигал знакомый код, вызывая внутри сложный коктейль чувств: унижительное облегчение (работа есть!) пополам с приевшимся отвращением (опять эта работа). Звонил личный дилер из корпорации «Мнемозина[6]» – тот самый поставщик «красок» и свежего мяса, питавший его мрачное ремесло. С тяжёлым вздохом, полным фатальной обречённости, Лео провёл пальцем по сенсору. Экран мгновенно ожил, высветив лицо Элиаса – существа без определённого возраста, с кожей, отполированной до состояния доро-

гой витрины, и с безупречной причёской, которую не смог бы растрепать даже ураган чужих психозов.

— Рад нашей встрече, коллега, — голос менеджера прозвучал с идеальной модуляцией, словно синтезированная компьютером инструкция к бытовому прибору, — процедура изъятия у субъекта Петрова признана успешной: транш уже переведён на офшорный счёт.

Пальцы невольно впились в подлокотник кресла. Этот корпоративный новояз и глянце-вая вежливость, за которой зияла пустота, всегда действовали ему на нервы, как пенопластом по стеклу.

— Ближе к делу. Что нужно на этот раз? — прорычал Архивариус, грубо, без малейшей попытки подстроиться под фальшивый тон собеседника.

— Прямолинейность – редкое качество, которое в «Мнемозине» особо ценят, — невозмутимо парировал синтетический клерк, — у нас особый кейс: запрос привилегированного клиента категории «Ультра».

— У меня все клиенты «привилегированные». Они платят бешеные деньги не за мою обаятельную улыбку, а за то, чтобы я им виртуозно вырезал самые лакомые куски человеческой души и упаковывал в стерильный пакетик. Так что не стоит меня томить.

Дилер проигнорировал колкую ремарку, и на экране поверх его лица начало материализовываться досье: файл возник громоздким цифровым призраком – очередное официальное приглашение на убийство чьей-то памяти.

— Субъект: Маргарита Шеридан. Возраст: девяносто два года. Статус: критический – терминальная стадия онкологии. Болевой синдром купируется медикаментозно. Индекс жиз-неспособности стремится к нулю.

Эти короткие, безжалостные фразы повисли в воздухе, обретя почти физическую плот-ность – как справка о смерти, выданная авансом. Архивист молча уставился на экран, где фото-графия Маргариты занимала центральную часть интерфейса. Это был не просто портрет, а ско-рее *архитектурный чертёж, выполненный жестоким скульптором по имени Время*. Болезнь «съела» всё лишнее, оставив только суровый каркас: обтянутый пергаментной кожей череп, резкие скулы, волевой подбородок. И глаза. В них не было и намёка на страх или старческую жалость к себе – только монументальная усталость с бесконечной глубиной и странным, почти потусторонним умиротворением. Взгляд словно говорил: *«Я всё уже видела, мальчик, – и тебя в том числе. Так что давай, делай своё дело, не задерживай очередь»*. Эти глаза пробивали цифровую пелену, нагружая его фантомной тяжестью девяноста двух лет надежд, ошибок и решений, о которых он знать-то не желал.

— Зачем ей экстракция сейчас, на пороге финишной прямой? Оставить наследникам? Покрыть долги? Или это последний жест со средним пальцем миру, давно забывшему её?

— Вовсе нет, — отозвался Элиас, — Маргарита Шеридан готовит себя к переходу. Нако-пилась слишком внушительная коллекция образов и чувств, и ей нужно срочно сбросить бал-ласт – распродать всё самое ценное перед финальным аукционом.

Вдоль позвоночника скользнул неприятный холодок. Ведь речь шла не о коллекции марок или антиквариата. На кону стояло куда большее – выковырять из угасающего мозга фун-дамент личности и выставить на виртуальные торги, как диковинные безделушки.

— Она хочет умереть пустой?

— Она хочет умереть спокойной, — мягко поправил менеджер. И в этой искусственной деликатности не было ни грамма сочувствия, всего-навсего отточенная модуляция голоса спе-циалиста, точно знающего рыночную *стоимость ностальгии*.

— Начальный лот: «Первый полёт на парашуте». Возраст субъекта на момент фиксации: тридцать четыре года. Покупатель уже найден – скучающий наследник империи, жаждущий острых ощущений, не вставая с ортопедического кресла. Задача стандартная: изъятие и упа-ковка. Комиссия – пятнадцать процентов.

Цифра вспыхнула в сознании Лео, как неоновая вывеска ночного клуба, заставив сердце на долю секунды сбиться с ритма. Сумма была астрономической. Одной такой транзакции хватило бы, чтобы на полгода забыть о работе, не видеть остекленевшие взгляды клиентов и не чувствовать, как с каждым «вырезанием» собственная душа покрывается несмываемой патиной цинизма.

— Необратимость процедуры осознана в полной мере? — тихо уточнил он. Это был уже не дежурный вопрос по протоколу, а слабая попытка самооправдания с горьким привкусом предательства. Предательства не перед неведомой старухой, чья жизнь угасала, как огарок свечи, а перед тем наивным юнцом внутри себя, который когда-то верил, что человеческая память — это священный храм, а не проходной двор, где всё пускают с молотка.

— Субъект Шеридан подписала все документы в присутствии адвоката и нашего корпоративного психиатра. Решение принято осознанно, — отрезал Элиас, — завтра, в 14:00. И без опозданий. Клиенты такого уровня ждать не любят.

Связь прервалась внезапно, без лишних церемоний. Монитор погас, оставив лишь еле различимый отблеск усталого лица на глянце. Секундой позже взгляд опустился на руки, застывшие над клавиатурой в неестественной позе. Разговор с менеджером вызвал знакомую до тошноты реакцию: пальцы предательски задрожали от одной лишь мысли о предложенном гонораре. И чтобы хоть как-то унять воскресший невроз до часа «Х», пришлось с маниакальным упорством перезагружать серверы, просматривать логи системных ошибок и калибровать чувствительность нейроинтерфейса[7]. Бесполезно. Сознание вновь и вновь возвращалось к сумме в конце контракта. Однако стоило этой сладкой мечте пустить корни, как её тут же травила едкая кислота вины. Перед глазами возникало лицо Маргариты — нестигаемый взгляд, словно вопрошающий: *«Я знаю, на что иду. А ты?»*. И с этим образом в голове очередной раз запульсировал проклятый, безответный вопрос: что чувствует человек, добровольно сдающий лучшие моменты своего прошлого на торг?

Сам Архивариус, будучи опытным проводником по лабиринтам чужого разума, никогда не применял экстракцию на себе, а лишь наблюдал за теми, кто сдавал «ключи» от собственного черепа. И дело было вовсе не в ценности содержимого — в его архиве не хранилось великих тайн или моментов безоблачного счастья. Скорее наоборот: склад был завален браком — сожалениями, кровавыми потерями и открытыми ранами. Только это были *его личные шрамы, надломы и трещины* — неопровержимые доказательства того, что он когда-то был живым, а не высокофункциональным биороботом. Они не тяготили, а служили своеобразным якорем, удерживавшим от падения в глянцевого омут симуляторов и цифровых теней, где уже беззаботно барахтались всё остальное человечество.

Именно поэтому для «Мнемозины» он был не просто сотрудником, а ускользающим деликатесом — *белой вороной*, чей мозг идеально подходил для статистической базы и дерзких экспериментов. Корпорация раз за разом настойчиво предлагала оптимизировать личный архив: вычистить балласт негативных переживаний, структурировать ключевые моменты для мгновенного доступа и даже искусственно подкрасить тусклые воспоминания (словно его жизнь — тщательно отредактированная презентация). Все эти соблазнительные оферты неизменно отклонялись, и, что удивительно, такая позиция сходила ему с рук. Мало того, одержимый паранойей, наш герой каждую ночь запускал скрытые алгоритмы самопроверки, выискивая коварные «цифровые закладки». И всё же результат оставался неизменным: воспоминания были девственно чистыми, запертыми в самых тёмных уголках рассудка и охраняемыми почти звериной агрессией. Сейчас же, глядя на досье Маргариты Шеридан, перед глазами вставал образ очередной жертвы, добровольно взбирающейся на эшафот ради ампутации, куда более страшной и противоестественной, чем любое физическое увечье.

Сдавленно вздохнув и откинувшись на спинку кресла, Лео провёл ладонью по лицу, стирая липкую печать прожитого дня. Ему отчаянно требовалась передышка: зыбкий островок

тишины, чтобы не захлебнуться в бушующем море судеб. Тут взгляд зацепился за кухонный стол, где в лучах умирающего заката сиротливо покоилась нетронутая трапеза – аккуратная композиция из мяса и овощей. Пар, к сожалению, давно рассеялся, унеся с собой последние намёки на аппетит, и теперь блюдо выглядело не долгожданной едой, а чуждым, бесполезным натюрмортом. Отвернувшись от этого гастрономического укора, пальцы сами потянулись к тяжёлому бокалу на серванте. Сомнительное утешение. Да. А чем ещё заглушить ввевшийся в рецепторы металлический привкус работы, насквозь пропахшей дезинфекцией и чужими истериками? Конечно, великий и ужасный Архивариус позволял себе спиртное крайне редко, почти аскетично, опасаясь потерять и без того шаткий контроль. Ведь в мире, где *качество эмоций* взвешивалось на аптекарских весах, алкоголь был непозволительной роскошью и актом вандализма на складе собственной личности: одна ошибка – и прощай премия, медицинская страховка, а заодно и сам контракт. То есть, проще говоря – девять лет коту под хвост. Однако сегодняшний вечер стал тем редким исключением, когда внутренние протоколы безопасности рухнули, отчаянно требуя химической анестезии от внутреннего диалога, безжалостно рвущего сознание на враждующие части. Когда дно бокала обнажилось, яд, как ожидалось, не отключил этот благословенный шум – он лишь раздробил его на хаотичные фрагменты. В этом зыбком полусне вновь зашевелились чужие лица, раздался неведомый смех, а под кожу, словно непрошенные гости после полуночи, просачивались фантомные осколки бесчисленных жизней.

Пробуждение в этом месиве воспоминаний было сродни выходу из комы – смрадному и болезненному. И чтобы вновь обрести хотя бы крохотную частичку собственной души, пришлось прибегнуть к радикальным мерам: ледяной душ стал не просто гигиенической процедурой, а настоящим ритуалом экзорцизма. Колющие струи смыли с тела липкие объятия ночных кошмаров и то глухое чувство вины, что точило изнутри, будто червь в спелом яблоке. Спустя двадцать минут, вытираясь грубым полотенцем, он шагнул из душевой кабинки в зябкую прохладу спальни, вновь ощущая свою жалкую, почти трагическую уязвимость – не физическую (тело ещё работало, хоть и с протестами, напоминая профсоюз усталых органов после застолья), а метафизическую. Словно ты – оголённый нерв, брошенный на сквозняке в пустой квартире. И этот нерв методично ноет, требуя то сильных обезболивающих, то намёка на смысл жизни, ну или, на худой конец, чтобы коммунальщики наконец-то включили отопление. *«Вот он, венец творения! Истинный человек: мокрый, дрожащий философ в одном полотенце, – шедевр абсурда, отчаянно нуждающийся в достойной упаковке».*

Оставлять себя в таком виде было опасно, и созерцание сменилось действием: одевание обернулось стратегической операцией по сокрытию улики. Каждое движение – лязг металлических запонок, мёртвая хватка галстука, натягивание брюк по слегка обмякшим бёдрам – обретало точность, словно солдат водружал флаг на только что завоёванное безразличие. Костюм стал его новой, искусно скроенной ролью с пришитой на воротнике невидимой биркой: *«Инкогнито для души»*. Кульминация неумолимо приближалась: пальцы застегнули последнюю пуговицу жилета – и с лёгким щелчком, пронзившим тишину спальни, человек по имени Лео безоговорочно капитулировал. Его место безраздельно занял «безупречный инструмент» – отточенный и запатентованный, готовый вновь вскрывать чужие черепа и погружаться в тайны их содержимого. *«На благо корпорации, разумеется, — отозвалось в сознании на стук собственных каблуков в прихожей, — и, что немаловажно, на благо банковского счёта, который вечно смотрит на меня голодным, ненасытным псом».*

Ровно в 14:00, словно по нотариально заверенному сценарию, к подъезду бесшумно приплыла корпоративная ладья «Мнемозины». Это была безупречно чёрная, отполированная до зеркального блеска глыба, похожая на гибрид катафалка и капсулы для перемещения в иное измерение – туда, где живые эмоции подвергались тщательной инвентаризации и получали биржевую оценку. Двери гостеприимно распахнулись, приглашая оператора в вакуумную

тишину салона. Оказавшись внутри, он решил не нарушать столь значимую идиллию лишними движениями и всю дорогу просто смотрел в тонированные стёкла. За ними город плыл размытым акварельным этюдом: проносились улицы, люди, целая жизнь...

Спустя полчаса лимузин принял к подножию широкой лестницы, и как только пассажир ступил на мощёный тротуар, он машинально одёрнул воротник пиджака. Это был не просто жест, а последний штрих – финальная проверка психологической брони, выкованной из едкого цинизма и профессионального равнодушия. Ведь перед ним возвышалось само «воплощение неизбежности» – не просто клиника, а монолит из стекла и бетона, бесстрастный и молчаливый, словно гробница фараона (правда, фараона очень прогрессивного, с системой «умный дом», высокоскоростным Wi-Fi и, возможно, премиальной подпиской на загробный мир). Стоило сделать следующий шаг, как массивные сенсорные створки разъехались, впуская в царство ослепительной и агрессивной стерильности. Всё здесь, начиная со света, было спроектировано с такой математической точностью, что не оставляло места ни теням, ни сомнениям, ни, боже упаси, бактериям. Пройдя по длинному коридору, где каждый метр дышал этой гигиеничностью, герой оказался в палате, искусно мимикрировавшей под люкс дорогого отеля, способной заставить отвиснуть челюсть даже у истинного сноба. За изящными панелями из красного дерева и дизайнерским текстилем прятались диагностические экраны, а уютное на вид кресло у изголовья, при ближайшем рассмотрении, оказывалось сложным «Порталом» – по сути, это была ловушка для сознания, только с обивкой из альпаки и встроенным массажем для поясницы.

В центре этой идеальной декорации, на огромной кровати, напоминавшей одновременно ритуальное ложе и операционный стол, покоилась Маргарита Шеридан. Под горой белоснежного белья её хрупкое тело смотрелось почти эфемерным – готовым рассыпаться в прах от малейшего сквозняка. Но глаза... Они горели таким неукротимым внутренним светом, что рядом с ними сама смерть выглядела бы не грозной жницей, а, пожалуй, дурно воспитанной гостьей, которая засиделась и никак не решается уйти.

— Так вы и есть тот самый... вивисектор[8] душ?

Её голос, сухой и тихий, как шелест обугленной бумаги, на удивление сохранил стальную нить – ту самую, что не рвётся даже под тяжестью девяноста двух лет, нескольких войн и, вероятно, пары неудачных браков.

Лео вздрогнул. Брошенное слово вонзилось острее любого скальпеля, вскрывая правду, скрываемую даже от самого себя за ширмой благородных терминов вроде «трансфер лабильных данных» или «оператор ментального апгрейда».

— Я Архивариус, — сдержанно поправил он, возвращая самообладание.

— Какая разница? — Шеридан слабо махнула рукой, и в этом жесте читалась бездна усталости от всех мирских условностей, теряющих всякий смысл на пороге вечности, — садитесь. Не стойте над умирающей старухой, как гриф, ждущий, когда можно будет приступить к делу – это неприлично. Да и спину горбить совершенно ни к чему.

Молча опустившись в кресло, под бархатной обивкой которого скрывался интерфейс «Портала», гость распахнул массивный кейс, и сенсоры тут же ожили, подобно щупальцам механического спрута, жаждущего проникнуть в лабиринты сознания и извлечь самое сокровенное.

— Решение окончательно, миссис Шеридан? — прозвучал глухой вопрос, пока взгляд нарочито скользил мимо глаз клиентки.

«Откажитесь!» — беззвучно металось в сознании, — скажите, что сделка отменяется... Что хотите унести все свои секреты, радость и боль с собой в могилу. А я просто выпью с вами чай и уйду».

Однако из её уст, с почти материнской снисходительностью, сорвалось совсем иное:

— Милый мальчик, когда каждый вдох даётся с боем, и будущее измеряется не годами, а количеством таблеток в блистере, пропадает всякая уверенность: в завтрашнем дне, в справедливости, даже в том, что солнце взойдёт. Кроме одного – тащить в могилу весь этот груз нет никакого смысла. Иные воспоминания, знаете ли, тяжелее гранита и давят на грудь даже сквозь толщу земли. А платить за лишний вес на том свете, говорят, совсем невыгодный курс.

— И всё же... это целая жизнь.

— Моя жизнь была долгой, и, смею заметить, иногда даже прекрасной: полной бурь и чаепитий, взлётов и падений... Я не продаю свою жизнь и не торгую ею, как товаром на рыночном прилавке, – я всего лишь отдаю сувениры, оставшиеся после *«Великого путешествия»*.

Она на мгновение прикрыла глаза, словно прислушиваясь к далёкому эху.

— Пусть кто-то другой, молодой и жадный до острых ощущений, почувствует тот восторг и ужас свободного падения, утратившие для меня всякую ценность, – мне же нужно иное: раствориться в тишине, настоящей, без примесей, а не в той, что продают втридорога в магазинах аудио-релаксации.

В её словах, произнесённых с утрашающим, почти нечеловеческим спокойствием, не было ни грамма пафоса – только деловая, почти бюрократическая ясность, с которой оформляют завещание или дарственную. Лео впервые за долгое время увидел не очередного «каннибала», с аппетитом пожирающего собственное прошлое ради кредитов, и не отчаявшуюся жертву обстоятельств. Перед ним лежал *просто человек*: глубоко, безнадежно уставший путник, сдающий перед финалом тяжёлый багаж в камеру хранения. И он, «милый мальчик», был здесь всего лишь грузчиком с опцией «деликатная упаковка» и смутной, ноющей тоской в груди.

— Коннект, — прозвучало едва слышно, словно щелчок захлопнувшегося чемодана, которому больше никогда не суждено быть открытым.

Веки опустились, мир вокруг погас, и специалист шагнул в знакомую тьму, ведомый лишь тонкой, пульсирующей нитью утасоющей жизни. Но тут его ждал сюрприз: вместо привычного ментального хаоса, свалки из обрывков фраз и размытых образов, он очутился в бесподобно организованном архиве. Разум Маргариты, словно педантичный библиотекарь с ОКР[9], предоставил идеальный каталог, где каждое воспоминание было бережно разложено по полочкам и пронумеровано. Сознание робко скользнуло по этим стройным, стерильно вымытым галереям прошлого и, без труда, отыскало нужный «экспонат». Тот самый, что сиял ослепительнее прочих, будто только что из-под кисти художника: *«Первый полёт: 34 года. Эмоции: восторг – 10 из 10»*. Внутри ещё свистел ветер и звенел восторженный крик, вырывающийся из самых глубин души. Крик, который теперь нужно было бережно унять. И навсегда.

...Она стоит на краю обрыва, там, где каменистая твердь обрывается в изумрудную бездну. Над головой – бесконечное небо, а за спиной бьётся на ветру ярко-оранжевое крыло парашюта, похожее на огромную, одержимую птицу. Пальцы до белых пятен впираются в лямки, страховочный жилет сдавливает грудь, а сердце выстукивает в такт бешеному рёву стихии лишь одно: *«Идиотка, идиотка, идиотка»*. Только это не страх. Это сладкий, пьянящий ужас перед прыжком в неизвестность, от которого мурашки по коже бросаются враспыну. Шаг в пустоту. Резкий рывок. Удар плотного воздуха вышибает душу из тела, а потом...

Парение... Невесомость...

Чувство, будто тебя наконец спустили с цепи после долгого заточения в четырёх стенах обыденности: сердце на миг замирает, а в следующую секунду взрывается ликованием. Душа кричит от дикого, невозможного счастья, пока ветер бестактно слизывает слёзы с ресниц, – и в эти минуты, растянутые в вечность, она больше не человек: она – птица...

Погружённый в красочное воспоминание, Лео вновь ощутил прилив восторга: будто высоковольтный разряд пронзил его запятнанную душу. Рука продолжала выписывать стилизованные замысловатые пируэты в воздухе, постепенно оцифровывая светящийся силуэт некогда

парившей в поднебесье женщины. Только вот это первозданное ощущение тут же было осквернено: на самой грани осязаемого возникло неожиданное подключение в режиме реального времени – второй контакт, столь заботливо скрытый Элиасом из мнимой «тактичности». Это был тот самый юный наследник. Архивариус с отвратительной ясностью почувствовал сущность этого наблюдателя: чистую, животную жажду проглотить чужой восторг, как таблетку от скуки, не рискуя даже испортить маникюр или вспотеть от напряжения. Инстинктивно он попытался сопротивляться – ментально сжать канал, сделать поток менее «вкусным», приглушить яркость эмоции, чтобы не кормить этого духовного паразита. Но всё тщетно. Система, жёстко настроенная на «максимальное качество передачи для VIP-клиента», блокировала любые помехи. И как всегда, он оставался лишь послушным механизмом – бесстрастным официантом, подающим самое дорогое блюдо чужой души на серебряном подносе, пока за соседним столиком кто-то чавкает, даже не откладывая вилку, и лениво комментирует: *«Неплохо. Только можно было и досолить»*.

— Экстракция, — вырвалось сквозь стиснутые зубы.

Повинуясь протоколу, светящийся силуэт в воздухе начал стремительно сжиматься. Воспоминание отделилось от Маргариты, оставив после себя не просто пустоту, а нечто куда более чудовищное – *ничто*: идеально вырезанный, начисто зачищенный кусок жизни, на месте которого не осталось даже призрачного шрама или метафизического рубца. Только аккуратная латка из абсолютного забвения. Сверкающий шар энграммы, томящий в себе целую вселенную чужого восторга, лениво поплыл к приёмному устройству и нырнул в него с тихим, почти издевательским «чпоком». Словно терминал проглатывает последнюю монету, списав под ноль остатки сбережения. Всё закончилось...

С титаническим усилием оператор разорвал липкий плен век, и реальность обрушилась лавиной, принеся с собой всеобъемлющую тошноту – горький осадок от кормления упыря с ложки. Лишь проморгавшись, он перевёл взгляд на Маргариту. Старушка лежала с закрытыми глазами, застыв в неподвижности, больше напоминавшей клиническое отсутствие, чем сон. На лице не осталось ни блаженной улыбки, ни гримасы боли – только абсолютный покой и пустота. Словно с лица стёрли не выражение, а саму личность, оставив на кушетке безупречную восковую оболочку.

— Всё... готово? — едва слышно выдохнула она, даже не шелохнувшись.

— Да... — вырвалось хрипло из груди, чувствуя, как последние крохи души утекают вместе с этим словом, — трансфер завершён.

— Спасибо.

Это прозвучало безукоризненно ровно: мёртвый тон, пустая вежливость, будто благодарят случайного курьера за доставку – только в этот раз расписаться пришлось собственным опустошением.

С неумолимой отстранённостью сенсоры были отсоединены, и тонкие провода, ещё недавно служившие мостом между двумя сознаниями, безвольно обмякли в руках. Замки кейса щёлкнули – коротко и жёстко. Маргарита даже не вздрогнула. Она так и лежала, превратившись в ещё одну деталь дорогого интерьера. Не прощаясь (какие, ради всего святого, сантименты, когда только что выпотрошил человека?), Лео покинул палату, и стерильный коридор клиники мгновенно выплюнул его наружу, точно инородную бактерию, не прошедшую контроль качества в этом храме чистоты.

Лишь оказавшись в комфортабельном коконе лимузина, он позволил себе выдохнуть. Только вот закон подлости, как всегда, работал без обеденных перерывов: из скрытых динамиков прорвался голос Элиаса – наглый, довольный, сытый, как удачливый клоп после королевского банкета.

— Безупречная работа! Клиент в полном экстазе – неподдельный, щенячий восторг!

— Я рад, что получилось разнообразить его унылую жизнь, — буркнул проводник, нащупывая в мини-баре бутылку с водой.

— Бросьте скромность! — расхохотался дилер, — вы — настоящий Микеланджело нейр-интерфейсов! Кстати, парнишка уже жаждет добавки, как говорится, куй железо, пока клиент горяч! Следующим лотом из коллекции Шеридан: «Восхождение на Фицрой[10]» в возрасте сорока лет.

— Элиас, имейте совесть! Она только что продала полёт — оставьте ей хотя бы горы. Если забрать и это, у неё останется только память о мерзком разводе и вкус пресной овсянки по утрам.

— Бюджет неограничен! — радостно проигнорировал моральные терзания менеджер, — клиент предлагает двойной тариф! Двойной! Представляете, сколько это нулей? За такие деньги я бы продал воспоминания о собственной первой любви, включая тот конфуз с расстёгнутой шириной!

— Для этого сначала нужно иметь любовь, Элиас. А не только преЙскурант.

— Не язвите, вам не идёт. Ну что, договорились? Эта сделка — абсолютный треугольник счастья! Маргарите нужен покой, нам — жирные проценты, клиенту — катарсис.

— Я подумаю.

Лео безжалостно перевёл разговор на удержание, оборвав на корню поток фальшивого коммерческого энтузиазма. Он физически не мог больше слушать, лишь безучастно смотрел в затемнённое стекло, за которым проплывал ночной город — безмолвная, величественная рана, истерзанная миллионами огней. Вивисектор души знал: за многими из этих светящихся точек кроется украденное счастье. Вон то окно на сороковом этаже — наверняка светится чьей-то заложенной мечтой стать пианистом. А эта неоновая вывеска — оплачена выкупленной в кредит личной трагедией. Во рту стоял привычный, мерзкий привкус — будто лизнул оголённый провод, по которому только что транслировал чужой восторг: привкус меди, окислившейся от контакта с грязными деньгами и мелким предательством. Этот вкус давно впитался в нёбо, отравил слюну и, казалось, стал частью ДНК — новым доминантным геном под названием «продай и забудь», или просто «продай», ведь искусство забывать превратилось в норму, в подлинный талант эпохи.

Вернувшись в мастерскую, давно превратившуюся в добровольную тюрьму с видом на глухую кирпичную стену, он, не включая свет, на ощупь пробрался к самому дальнему и пыльному серверу. Здесь, в цифровом небытии, хранилось «неприкосновенное достояние» — файлы, не подлежащие ни продаже, ни обмену. Не потому, что они бесценны, как подлинники Ван Гога, а потому, что никто в здравом уме не дал бы за них и гроша. Уставшие пальцы запустили один из файлов — это была не энграмма, а обычная, старая оцифрованная видеозапись. Реликвия из того забытого времени, *когда память ещё принадлежала лишь тому, кто её прожил, а не тому, кто мог за неё заплатить*. На экране возникла молодая женщина с тёмными, отливающими синевой волосами. Лиза. Его покойная жена. Она смеялась, беззвучно шевеля губами, и радостно махала рукой, приветствуя кого-то за кадром. Звук был намеренно отключён: в этом молчании заключалась последняя, хрупкая линия обороны. Лео панически боялся нажать на кнопку громкости и обнаружить, что её голос в памяти исказился, стал фальшивым, стёрся. И теперь, глядя в эти сияющие на мониторе глаза, возникло отчаянное, почти детское желание: стереть сегодняшний день из собственного сознания. То самое физическое ощущение прожорливого гурмана по ту сторону провода, который не просто наблюдал, а поглощал чужое счастье, размалывал его в шелковую пасту и смаковал каждый оттенок, как изысканное блюдо в ресторане с тремя звёздами Мишлен. И всё это... челюсть непроизвольно сжалась... *ради неё...*

Вот этот грандиозный, великий план. Все эти годы бывший художник и нейробиолог-недоучка методично собирал осколки чужого прошлого, стремясь когда-нибудь собрать

из них цифровой пазл и воскресить образ Лизы – пусть даже преломлённый сквозь призму чужих воспоминаний. Именно для этого требовался обширный архив сочных, ярких эмоций: ими он надеялся «дорисовать» бледный призрак супруги, рассыпавшийся в пепел в его травмированной памяти. Однако чем больше фрагментов накапливалось на гудящих серверах, тем невыносимее становилась правда: это не воскрешение любимой, погибшей в пожаре, а лишь снабжение давно умершего образа украденными масками.

Увы. Не был он гордым Архивариусом или благородным хранителем памяти, кем всегда пытался себя считать, а скорее – мародёром-могильщиком, методично раскапывающим одни захоронения, чтобы украсить свежими цветами тень своей давно опустевшей судьбы. И с каждым днём, с каждой очередной процедурой изъятия, земля под ногами становилась всё зыбче, грозя разверзнуться и поглотить самого копателя вместе со всем этим краденым, абсолютно бесполезным добром.

Часть 3. Техника безопасности при работе с призраками

Время перестало течь. Оно осело густым, удушливым смогом в стенах мастерской, которая, подобно склепу, надёжно укрыла своего затворника от внешнего мира. Дни утратили свои очертания, сливаясь в серую пыль, а недели с глухим стуком провалились в бездонные колодцы месяцев. Даже паук, сплетающий тягучую вязь под потолком, казался теперь не столько насекомым, сколько куратором этого эксцентричного музея – хранилища угасших надежд, брошенных технологий и проектов, чья жизнь оборвалась на стадии гениального озарения. В этот мертвенный, почти замороженный покой вторгались лишь назойливые трели вызовов от «Мнемозины», однако Лео методично игнорировал их с упрямством обречённого, обрывая канал за каналом, словно отсекая последние нити, связывающие его с реальностью. И в самом сердце этого хаотичного государства, под бдительным взором паука-куратора, он вёл свои изыскания.

Тщательное изучение «коллекции Шеридан» давно перестало походить на банальную опись оператора. Оно превратилось в одержимую археологическую экспедицию, призванную явить свету следы давно исчезнувшей цивилизации искренности. Когда запускался файл «Восхождение на Фицрой», на него обрушивалась не просто панорама заснеженных пиков, а настоящий сенсорный удар под дых. Душное кресло исчезало, и кожей уже ощущалась молочная кислота, разъедающая забитые мышцы на последнем рывке к вершине; слышался хруст упругого фирна под альпинистскими кошками и ледяные поцелуи ветра, сдирающие кожу с обветренного лица. А за этим следовало освобождение – пьянящее чувство победы, когда весь мир лежит у твоих ног – покорный и величественный.

В противовес этому «Ночь в Сахаре». О, этот файл – для искушённых ценителей. Стоило его активировать, как стены тесной комнаты рассыпались в прах, уступая место первозданному покою, в котором тонули не только звуки, но и мысли. Каждой клеткой тела улавливалось, как раскалённый день медленно покидает песок, отдавая спине накопленное тепло, пока над головой разворачивалось бездонное звёздное небо, принося с собой щемящее чувство единства со вселенной, одновременно напоминая о человеческой ничтожности. И каждое такое мгновение, отшлифованное временем до сверкающей грани, несло на себе въедливую чёрную метку: **«Лот готов к продаже».**

Лео все отчётливее ощущал себя не оператором, а последним хранителем обречённого Лувра – музея, где залы «Долгожданного прозрения» и «Мук раскаяния» украшали циничные таблички «Продано». Перелистывая эту постыдную опись распроданного наследия, он лишь утверждался в горькой истине: никому не нужна была подлинная память – клиенты платили за рафинированный концентрат иллюзий, щедро политый соусом цифрового перфекционизма. Энграммы превратились в самый изощрённый **наркотик эпохи**: вены потребителей оставались чистыми, зато кора головного мозга стремительно покрывалась рубцами необратимой зависимости – добровольной кабалы от чужих, уже кем-то пережёванных чувств. Это была психоактивная западня без выхода, и соскочить с неё было физически невозможно: первая же доза распалала голод, требуя стимулов всё более разрушительной силы. А ведь изначально всё представлялось невинной забавой. Новички, спасаясь от сенсорного голода пластиковой повседневности, начинали с безобидных леденцов вроде «яркого полёта во сне» или «трепета первого поцелуя».

«ПОПРОБУЙ ТО, ЧТО ЧУВСТВОВАЛ КТО-ТО ДРУГОЙ! БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ, КАЛОРИЙ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВ!» — гласила негласная реклама. И многие охотно верили, не понимая, что подписывают смертный приговор без права на апелляцию.

Только нейрехимия[11] не прощает лжи: толерантность неумолимо ползла вверх, вкусовые рецепторы души грубели, требуя всё более искажённых порций синтетического счастья. Вскоре в заказах начинали проскальзывать иные, тревожные названия. Например, «Рождение первенца» – чтобы на пару часов надеть на себя священное чудо, словно ворованное платье из проката. Или «Агония любви» в дуэте с «Панической атакой в падающем лифте» – для тех пресыщенных гурманов, кто жаждал не просто адреналина, а «псевдонастоящей» боли, с удобной гарантией, что после сеанса страдание можно выключить пультом, как надоевший сериал, и спокойно пойти заказывать суши. Клиенты, вкусив чужую эмоцию однажды, превращались в одержимых зомби, готовых грызть штукатурку в поисках новых, неизведанных граней чувств.

Именно эта алчная жажда порока вытолкнула элитных специалистов «Мнемозины» в глубокое подполье – туда, где воздух был густ от запаха огромных денег, палёного кремния и коллекционного коньяка. В этих тущообах, напрочь лишённых привычной морали, сформировалась своя, извращённая система координат. «Убийство от первого лица», ещё недавно казавшееся жуткой городской легендой, а после строго запретной забавой для пресыщенных миллиардеров-психопатов, быстро утратило налёт эксклюзивности, превратившись в банальную строчку короткого меню. А за этой скудной строкой зияла такая бездна, в которую разумнее было не заглядывать. Не из страха, а из элементарной брезгливости, дабы не портить аппетит. Там шла бойкая торговля тем, чего в человеческой речи даже не сыскать. В прайс-листах Даркнета фигурировали лишь сухие цифры: цена, длительность сеанса и стопроцентная гарантия полного распада личности после просмотра. Это был закрытый, элитный клуб для тех, кто уже промчался на скоростном лифте по всем девяти кругам Данте[12] и теперь раздражённо требовал VIP-экскурсии в самую суть пекла – прямо в котельную, где варят грешников. В расширенный премиум-пакет заботливо входил личный психоассистент, исключительно на тот случай, если рассудок клиента не выдержит перегрузки, решит свернуться в дрожащий эмбрион и отползти в тёмный угол, забыв оставить чаевые.

Однако погружение Лео в чёрные глубины безумия оборвалось грубо и безжалостно: тишину мастерской вспорол истошный вой сирены, а монитор полыхнул тревожным багровым светом. Это было не очередное гневное сообщение от начальства – на экране пульсировал электронный эквивалент смертного приговора:

ВНИМАНИЕ. ИНИЦИИРОВАНА ПЛАНОВАЯ ПРОВЕРКА ЦЕЛОСТНОСТИ АРХИВОВ. ЗАПУСК ПРОТОКОЛА «ИЩЕЙКА».

За сухой технической формулировкой скрывалась катастрофа библейского масштаба. «Ищейка» была не просто проверкой, а цифровой чумой: автономным алгоритмом-чистильщиком, прочёсывающим все закоулки сети на предмет «неучтённых данных» – то есть всего, что ты, идиот, имел глупость и наглость спрятать от всевидящего ока корпорации. Стоило алгоритму что-то обнаружить, как эта тварь, с энтузиазмом доносчика-первоклассника, тут же сливала в службу безопасности предателя, осмелившегося прятать в шкафу пару лишних, эмоционально окрашенных носков. И эти носки, вне всякого сомнения, пахли вовсе не стиральным порошком, а чем-то гораздо более опасным – личной жизнью. Холодный пот предательски выступил на висках, словно иней на треснувшем окне. Погрузившись в лабиринт воспоминаний Шеридан, он совершенно упустил из виду неумолимый график аудита. А плановая ревизия всегда была дамочным мечом[13] любого архивиста. Теперь весь личный «Склеп», который годами собирался по крупичкам для воскрешения Лизы, – висел на волоске. *«Идиот! Гениальный идиот!»* — пронеслось в сознании, — *где тут выдают Нобелевскую премию по кретинизму?»*

Он резко метнулся к серверным стойкам и с оглушительным треском вырвал магистральные кабели из гнезд: мир мастерской на миг захлебнулся, свет померк, и тишина обрушилась, как внезапная кончина. Так родился цифровой остров Робинзона – последний оазис, отрезанный от океана корпоративного надзора: хрупкий, едва заметный, но пока ускользающий от

любых проверок. В ту же секунду стартовал «Великий перенос» – отчаянная гонка со временем и собственной, трясущейся от адреналина, тушкой. Архивариус прорубался сквозь виртуальные лабиринты: безжалостно выдирает файлы из недр оборудования, перекачивал бесценные массивы данных и на ходу выжигал за собой следы. И вот, в самом разгаре этого бардака, среди водопада бегущих строчек кода, взгляд вдруг споткнулся. Аномалия. Тщательно зашифрованная цепочка данных. Логи системы кричали: защиту взломали, и случилось это далеко не вчера. Невидимый гость не просто однажды проскользнул в систему – он уже давно и методично вёл пристальную слежку, с комфортом ковыряясь в цифровом белье. Осознание обрушилось на голову, как бетонная плита с надписью: *«Поздравляю, помимо статуса вора разблокировано достижение полного лоха»*.

Едва удалось переварить леденящий ужас открытия, как реальность нанесла сокрушительный удар: дверь мастерской, надёжно защищённая сложной электроникой (во всяком случае, так казалось до этой минуты), вдруг покорно щёлкнула и распахнулась сама собой. В проёме возникла не служба безопасности в кевларе и не дроид-ликвидатор с улыбкой терминатора, а девушка в простом траурном плаще. На её бледном и уставшем лице жили лишь глаза, в которых клочкотала опасная смесь бездонного отчаяния и стальной, почти безумной решимости. И смотрела она так, будто перед ней было либо последнее спасение, либо следующая невыполненная задача в ежедневнике киллера – и оба варианта категорически не радовали.

— Лео? — голос, слабый, с надтреснутой хрупкостью стекла, разорвал сложившееся напряжение комнаты.

Он вскочил, будто ужаленный, инстинктивно заслоня спиной серверные стойки – свою главную святыню и неопровержимую улику. В горле стоял вязкий комок, и сквозь него с трудом прорвался хриплый шёпот:

— Кто вы? И каким образом удалось сюда проникнуть? На входе биометрия «три пальца и образец ДНК», а не проходной двор для случайных визитёров!

— Меня зовут Ирина, — девушка шагнула вперёд, сплетая пальцы в нервный, изломанный узел, — Ирина Петрова. Я... дочь Михаила Игоревича.

Почва под ногами пошатнулась, завертелась и попыталась уйти в свободный полёт. Вдруг стало невыносимо очевидно: в гордом изломе бровей, в печальном овале тёмных глаз проступала неумолимая, почти болезненная ясность – тень того самого молодого Михаила из воспоминаний о «Свадьбе 1.0».

— Что нужно? — прозвучало отрывисто, с едва сдерживаемым раздражением.

— Он не помнит... — выдохнула гостья, и слёзы сорвались на бледные щёки, — отец смотрит на свадебную фотографию, как на запылённую открытку из чужого мира. В нём не осталось ни призрачного запаха маминых духов, ни знакомой дрожи в руках, ни этого навеки проклятого галстука, что так и не научился завязывать, лишь зияющая пустота.

— Процедура была добровольной, — прозвучала зазубренная фраза, — все необходимые документы подписаны! Юридически чисто, как слеза младенца.

— Он подписал, чтобы спасти меня! — крик вырвался из её груди, обнажая кровоточащую рану отчаяния, — боялся, что его медицинские счета сожрут все сбережения, и я останусь на улице! Продал самое дорогое... Последнее, что ещё принадлежало только ему, – ради моего проклятого будущего! А теперь он смотрит на меня, и в его глазах... пустота, Лео. Из него вынули не просто память, не набор дат и образов. **Вы вынули любовь!** Вырезали её, как лишний орган, оставив бледный контур, тень того, что когда-то было живым и настоящим.

Эти слова, словно кипящая лава, ударили сильнее любого иска или трибунала «Мнемозины», и он застыл, не в силах подобрать ни единого слова в своё оправдание. Девушка же, окончательно обессилив, прислонилась лбом к косяку, и её плечи затряслись от беззвучных рыданий.

— Я пришла не за деньгами, — прошептала она через минуту, вытирая лицо рукавом плаща, — деньги ничего не вернут и не разбудят то, что здесь... усыпили.

Ирина шагнула вперёд – робко, почти несмело, словно ступая по тонкому льду. И всё же в глазах её теплился слабый огонёк надежды.

— Я хочу узнать, куда деваются потом эти украденные мгновения? Неужели их просто стирают, как пустые файлы после просмотра? Или... — голос дрогнул, едва не сорвавшись, — они продолжают жить где-то ещё?

Взгляд гостьи стал для него безапелляционным приговором. В этих глазах, полных неприкрытой правды, уже нельзя было растворить циничную шутку или смахнуть дежурную ложь. Внутренний голос безжалостно констатировал: *«Лимит вранья на сегодня исчерпан. Счётчик обнулится»*. Отступив в сторону, он открыл её взору мерцающие в полумраке стеллажи – гудящий некрополь памяти, где в кремниевом плену томились тысячи душ.

— Они... здесь, — прозвучал шёпот, сопровождаемый кивком на серверные стойки, — в цифровом морге: тщательно упакованные, промаркированные и готовые к продаже следующему любителю острых ощущений. В данный момент свадьба вашего отца ждёт, пока какой-нибудь пресыщенный жизнью юнец не захочет почувствовать себя женихом. Без обязательств, разумеется, и без невесты, которая потом будет мыть посуду, а может, и не будет. Это уже нюансы – блёклые мазки на полотне грядущего.

Он затих, ловя призрачный рокот системы охлаждения – в нём чудились шепотки позабытых восторгов, эхо стёртых смехов, навеки застывших в цифровых кристаллах.

— Вся суть памяти, — продолжил он, — в её неукротимой силе, и в этом же – её слабость. Любое воспоминание настолько интенсивно, что матрица нейросети выдерживает в среднем лишь три полных погружения. Поэтому первый просмотр – это «VIP-доступ», драгоценный нектар для избранных, дарящий подлинный экстаз. Затем, когда сливки сняты, начинается распродажа: с молотка уходит право на второй, а то и третий сеанс. Разумеется, переживания уже не те – эмоции меркнут, теряют оттенки, подобно аромату вина из опустевшего бокала. А последняя капля – это уже соломинка для ментальных наркоманов рангом пониже: относительная дешёвка, едва щекочущая нервы.

Ирина судорожно передёрнула плечами, пытаясь сбросить невидимую скверну. Аналогия с наркоманами прозвучала как пощёчина – грубая, унижительная и страшно точная.

— А что происходит с теми воспоминаниями, которые уже... исчерпали лимит? — прозвучало несмело, словно предчувствуя безжалостность ответа.

— Согласно священному корпоративному регламенту, — отчеканил Лео, — все энграммы, утратившие товарный вид, подлежат архивации на семь лет. Ровно столько требуется для урегулирования возможных исков, претензий наследников или налоговых проверок. По истечении срока запускается протокол «цифрового нуля» – полное, окончательное стирание. По сути, банальное освобождение ценного места на серверах – как если бы вы выкинули старый диван ради нового, более модного. Мир, знаете ли, не страдает от нехватки желающих променять подлинное «вчера» на заманчивое «завтра»... Ну, или хотя бы на его бледную, синтетическую копию.

Слушая это, девушка не отрывала взгляда от мерцающих стоек. По мере того, как смысл сказанного доходил до неё, в глазах начало проступать странное, неумолимое выражение – смесь изумления и зарождающейся, дикой надежды. Чувство было настолько острым, что, казалось, наэлектризовало воздух в этой прокуренной комнате.

— Семь лет... — пробормотала она, словно пробуя цифру на вкус, — значит, они сохранены. Они всё ещё здесь? Мы можем вернуть отцу то, что было украдено, пусть даже частично, и...

— Нет!

Резкое слово обрушилось между ними, словно булыжник на лобовое стекло автомобиля – с треском, без предупреждения, вгоняя в ступор. *«Вот и сказочке конец, — пронеслось в голове, — будь добр, исполни роль сурового дядьки, объясняющего, что Деда Мороза не существует».*

— Процедура экстракции необратима на самом жёстком, физиологическом уровне. И здесь кроется главная, почти издевательская уловка корпоративной нейробиологии. Вписать проданную энграмму в чужой разум – пожалуйста: для покупателей этот файл станет свежим, невероятно ярким контентом, интегрируя его как свой собственный. Но стоит попытаться вернуть извлечённый фрагмент в кровный мозг, как произойдёт фатальная катастрофа. Сознание мгновенно опознает «родную» информацию и по привычке попытается направить петабайты плотных, тяжёлых эмоциональных данных по старым, проторённым маршрутам. Вот только маршрутов больше не существует: там – выжженная земля и заблокированные адреса, и из-за этого возникает чудовищная когнитивная петля обратной связи. Массивы данных, пытаясь втиснуться в несуществующие нейронные сочленения, вызывают колоссальное короткое замыкание в коре больших полушарий, отчего мозг просто сходит с ума от парадокса «фантомной памяти» и сгорает за пару секунд. В официальных глянцевых брошюрах «Мнемозины» этот смертельный баг называют «непреодолимым конфликтом аппаратной совместимости». В наших же кулуарах операторов используется куда более честный термин – «защита от возврата товара»: продал кусок души – гарантия аннулируется, чеки не принимаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.